

Т. ПОЛЯКОВА «Небеса рассудили иначе»

Где-то ангелы кричат
Прости-прощай.
Плавится душа, как свеча.
Разлилась по сердцу печаль,
Я навеки твой, ты – ничья!

Би-2 «Ее глаза»

– Навещать родителей – наша святая обязанность, – с постной миной заявила Агатка. – Но выполнять ее сегодня как-то не хочется.

Мне тоже не хотелось, оттого я и согласилась с сестрицей, что, в общем-то, бывало не часто. Кивнула и, подперев щеку рукой, попыталась прикинуть: есть варианты избежать обязательный ужин в родительском доме? Решила, что нет, и обреченно вздохнула.

– Фимка, – позвала сестрица через минуту. Уверена, наши мысли текли в одном направлении, оттого ее последующие слова не удивили. – Двигай к предкам одна, соври, что у меня работы по горло, а я тебе лишней выходной дам. Ок?

– Еще чего, – возмутилась я. – Отдуваться за двоих за какой-то жалкий выходной... А как же принципы, сестрица? Кто мне всегда твердит, что старшим врать нехорошо?

– Ненавижу принципы, – фыркнула Агатка. – Им нет места в юридической практике.

Сестра у меня адвокат, и я, кстати, тоже. В основном ее стараниями. Мои личные амбиции выше ставки дворника в местном ЖЭКе никогда не поднимались. Но в семье решили, что это бросает тень на наше честное имя, и Агатке пришлось взять меня в свою контору. Надеюсь, она не слишком об этом жалеет.

Не реже чем раз в неделю я кляню тот день и час, когда нога моя ступила на порог ее офиса. Наша мама – обладатель черного пояса по занудству, но ее лучшие приемчики блекнут рядом с тем, что вытворяет Агатка без всякого усилия.

– У меня встречное предложение, – ядовито произнесла я. – Почему бы тебе для разнообразия не засвидетельствовать дочернюю любовь в одиночку? Раз уж принципы сегодня отменяются, могла бы соврать, что у меня температура и ты, заботясь о сестре, оставила меня наедине с градусником и горячим питьем.

– Умная, да? – хмыкнула сестрица. – Чтобы мама тут же заявила, что я тебя работой уморила? Нет уж, я останусь у мамы на хорошем счету.

– Ну, удачи тебе...

– Как ни крути, а идти придется, – пробормотав сквозь зубы замысловатое ругательство, поморщилась Агатка и добавила: – Она кого-то там пригласила.

– Очередной жених? – нахмурилась я, теперь страдания сестры стали понятны.

У мамы навязчивая идея выдать старшую дочь замуж. На мою свободу она не посягает, замужем я уже была, причем не один раз, и, по мнению мамы, лучше б мне было в старых девах сидеть. В том смысле, что мои замужества маму совсем не порадовали. Меня, кстати, тоже, оттого я до сих пор радуюсь жизни в одиночестве. Мама мечтает о внуках. С моей точки зрения, мечтать она могла еще лет пятнадцать совершенно спокойно, а при современном уровне медицины и вовсе практически бесконечно, но у мамы на этот счет свое мнение. Она определила крайний срок в пять лет, и Агатке следовало в него уложиться, если она дочь, а не чудовище, готовое спровадить в могилу собственную мать раньше времени... Пять лет – это немало, но мама способна их так отравить, что лучше в самом деле поторопиться.

В кои-то веки я была с мамой согласна, Агатка старшая – ей и карты в руки, то есть, скорее, памперсы. А там, глядишь, и я подтянусь... Но с памперсами все не так просто – у Агатки большая любовь, к сожаленью, не разделенная. Никого другого

сестрица не хочет, а любовь по имени Сергей Львович Берсенев постоянно глаза мозолит, в общем, забыть его раз и навсегда проблематично. У меня на любовном фронте полный швах, так что маму, в общем-то, понять можно...

– Ага, – отозвалась Агатка. – Оттого и говорю: выручи сестру, метнись одна.

– Есть же совесть предлагать такое, мама старалась, а ты не придешь. Меня в порошок сотрут...

– Каждый раз, когда ты говоришь «нет» старшей сестре, безнадежно портишь себе карму. Ладно, потопали, – взглянув на часы, сказала она, поднимаясь из-за стола. Мне пришлось последовать ее примеру. Я подала сестре пальто, подхалимски забежав вперед, в тайной надежде, что карму это несколько улучшит, а Агатка хмуро буркнула: – Мама умеет так долго пилить человека, точно у нее внутри вечный двигатель.

– Согласна, – кивнула я. – Этого у вас не отнимешь.

Агатка продемонстрировала мне кулак в ознакомительных целях, после чего я решила тему не развивать. Намотала шарф на шею, надела пальто и первой шагнула к двери. На работу я пришла пешком, так что ехать на двух машинах не придется.

Новенький «Мерседес» сестрицы стоял неподалеку, рождая в душе легкую зависть.

– Хорошая машина, – сказала я, устраиваясь на переднем сиденье.

– Займи денег у предков и купи такую же.

– Куплю, когда сама заработаю, – ответила я.

А Агатка фыркнула:

– Не вздумай просить прибавки к зарплате. Я и так выбрасываю деньги на ветер.

– Может, мне в дворники вернуться? В ЖЭКе меня ценили.

– Я тебе вернусь... – пригрозила Агатка.

А я широко улыбнулась:

– К тебе заедем? Если у нас сегодня смотрины, тебе бы следовало приодеться.

– Сделай сестре приятное, заткнись, – ласково улыбнулась она, а я пожалала плечами.

Мама с особой жестокостью расправлялась с овощами, стоя в белом переднике возле стола, и бесперебойно отдавала приказы. Я, Агатка, папа и домработница Катя сновали из кухни в столовую, испуганно переглядываясь. Судя по маминому настрою, затевалось что-то грандиозное. В люстре сияли все двадцать семь лампочек (в прочее время счастливо обходились девятью), стол накрыт скатертью с вензелем, в котором, если приглядеться, видны две буквы «А» и «К», между прочим, мамино приданое; извлекали скатерть на свет божий, как правило, лишь на годовщину свадьбы.

– Жесть, – успела шепнуть Агатка, пролетая мимо.

Я сосчитала приборы, которые успела расставить Катя, и задумалась: стол накрыт на восемь персон, следовательно, в гости ждут четверых. Благородное семейство?

Тут в дверь позвонили, мама сбросила передник и пошла открывать, погрозив нам пальцем:

– Смотрите у меня...

– Куда смотреть-то? – ахнула Катя, которой сегодня досталось даже больше, чем нам, и оттого соображала она не очень.

– Это призыв вести себя прилично, – шепнула я, прислушиваясь к маминому голосу, доносящемуся из прихожей. – Чтоб жениха не спугнуть...

– Женихов, – жарко зашептала мне в ухо Катя.

– Мама устраивает тендер? – удивилась я.

– Мама хочет вас разом с рук сбить, – совершенно серьезно заявила Катерина, подтвердив свои слова кивком.

– Меня-то за что?

– А то ты не знаешь? Маме внуки нужны. И ни когда-нибудь, а сейчас, пока силы есть их на ноги поставить.

– Сил у мамы немерено... – начала я.

Но тут дверь в столовую распахнулась, и в комнату в сопровождении мамы вошла пара в годах, худенькая женщина, со стрижкой каре, и представительный мужчина с благородной сединой. Я решила, что дядьке очень бы подошла военная форма, и не ошиблась: гость оказался генералом, правда, уже в отставке. Женщина, по имени Софья Васильевна, работала в канцелярии областной администрации, где мама большой начальник. Папа старательно улыбался, пожимая генералу руку, мама пояснила, кто есть кто, впопыхах едва не забыв о гвозде программы: за спинами родителей скромно стоял мужчина из породы вечных мальчиков: невысок, строен и румян. Судя по морщинкам возле глаз и наметившейся лысине, ему уже за тридцать, но если не приглядываться, можно навскидку дать лет двадцать пять. Звали его Славик, и было ясно, что в Славиках ему ходить еще долго. Агатка криво усмехнулась, а он под ее взглядом пунцово покраснел. Отличное начало вечера. Судьба последнего прибора оставалась загадкой, может, Катя зря меня пугала, и прибор предназначался ей? Принимать участие в семейных трапезах она не любила, потому что, по ее словам, есть по благородному не умела и стеснялась, но маме-то на это наплевать.

Тут в дверь вновь позвонили, на сей раз открывать пошел папа. Вскоре он вернулся с симпатичным мужчиной лет тридцати, в двубортном костюме в тонкую полоску, с легкой небритостью и насмешливым взглядом.

Только я успела подумать: «А почему бы и нет?» – имея в виду, что Агатке и впрямь не помешает роман с продолжением или без, как сестрица, подняв брови, весело произнесла:

– Привет. А ты какими судьбами?

Мужчина покосился в сторону мамы и торопливо произнес, игнорируя Агаткин вопрос:

– Рад тебя видеть.

– Давайте за стол, – скомандовала мама.

Я плюхнулась на ближайший стул, а мама, рассаживая гостей, недовольно спросила:

– Так вы знакомы?

– Конечно, – кивнула Агатка. – Ты что, забыла? Мы с Елисеем Андреевичем в одной группе учились.

Елисей Андреевич улыбнулся, а я подумала, что жить с таким именем, должно быть, нелегко. Наверное, его мама, как и моя, считали, что обладателю редкого имени проще стать выдающимся человеком. Маму, кстати, зовут Августа, в детстве она много претерпела, и, наверное, в отместку назвала нас Ефимией и Агатой. Спасибо ей за это большое. Но Елисей, пожалуй, даже круче. Агата и Елисей, а сынка назовем Акакием, и жизнь, считай, удалась...

Тут я сообразила, что Елисей скорее всего предназначался мне, и растянула рот до ушей в ответ на его улыбку. У нас родится дочь, и назовем мы ее в честь мамы – Августой. А что? В наше время среди Аглай, Василис и Маланий она не затеряется.